

21.2.96.

Н. Лесков: «Простой человек... спасает Россию, ввергнутую в омут крамолами бояр»

*Соб. Россия. — 1996 —
21 февр.*

Лесков всем сердцем принимал правило: «De mortuis — veritas», то есть о мертвых — правду. Спустя 100 лет после его смерти мы с огорчением должны признать: истинная, глубокая правда о писателе и его творчестве еще далеко не осознана и не высказана. Великий художник все еще не получил достойного признания, хотя чтим несравненно более, чем прежде. Новое время иногда рождает новую ложь: продолжают замалчиваться некоторые его взгляды и настроения, навязываются и подверстаются к суждениям о нем новые «факты» и старательно отодвигаются в сторону иные существенные черты его мировоззрения, прежде упоминаемые, или другие, так и не ставшие достоянием гласности. Тем не менее многие важные, но ранее скрываемые истины о нем уже сделались достоянием широкого читателя. И прежде всего стал отчетливее и яснее духовный облик Лескова.

Ныне он предстает перед нами не как реакционер, сблизившийся «с правыми общественными кругами», не как остревенелый антиинициалист и противник всякого радикализма, но как трезвый знаток народной жизни и национального русского характера, как человек, умудренный огромным опытом народоуправления и знанием прошлого Отечества, чувствующий всем сердцем сокровенные движения души своих соотечичей, самоотверженно желающий себя «положить на пользу России и «всей Вселенной». Главное же — он выступает перед нами как писатель, бесстрашно говоривший правду, какова бы она ни была и кому бы ни оказалась сподручной или выгодной. Главное, что им всю жизнь руководил не личный интерес, а сокровенное, неизбывное чувство любви к народу, который он знал «в самую глубину».

Лесков имел то, что растеряли иные наши современники: он ставил истинные интересы народа выше личной выгоды и всяческих амбиций, модных идей и слепых общественных настроений. С детства пронес он в душе деятельное сочувствие к простым труженикам, убеждение, так точно выраженное одной из его героинь: «...простых людей ведь надо беречь, простые люди все ведь страдали...».

Он считал, что любые политические доктрины бесполезны, если в обществе подточены устои нравственности и корневые духовные традиции, если место здравого смысла занято догматическими теориями и утрачено главное — чувство долга перед народом и Отечеством. Он

Соборянин

был убежден, что России более всего «нужен народный человек правдивой души и прямого ясного толка — не консерватор и не либерал, не самобытник и не западник, а просто человек с прямой, чистой натурой (выделено мной. — В. Т.), человек, который не стремился бы ни к какой партии и не боялся бы где бы то ни было сказать в глаза увлекающейся толпе: осмотришь и сумеешь быть справедливою; вот где правда».

Такой человек с обостренным чувством честности, глубоко личным, страстным и убежденным ощущением долга, с горячеей, самоотверженной любовью к людям, к России, человек с суровой требовательностью к себе и скромностью в образе жизни своей, по необходимости строгий к людям и вместе с тем полный добродушного и деятельного к ним сочувствия, непримиримый, когда дело касается справедливости и чести, воплощает существенные черты, свойственные многим лесковским героям.

Пространство художествен-

ного мира Н. С. Лескова в наши дни продолжает стремительно расширяться; мы начинаем видеть то, что не было доступно нашему взору. То, что еще недавно мы истолковывали как политическую ограниченность писателя, в чем видели односторонность суждений, ныне нередко предстает как его прозорливая наблюдательность и сбывающееся пророчество. И все более загадочными оказываются лесковские герои, удивительные, необыкновенные и одновременно обыденно знакомые, глубоко родные и близкие душе всякого русского, да и вообще любого человека, которому не чуждо человеческое.

Вряд ли кто-либо из внимательных читателей не признает обаяния многих лесковских характеров. Иногда они кажутся странными и даже искусственными и надуманными. Основная причина такого рода восприятия — в застарелой нашей духовной слепоте, в исторической ограниченности и односторонности наших взглядов. Ведь воспри-

мая личность как социальную историческую данность, мы отвыкли думать о духовной стороне ее бытия, о человеческом житии, исполненном свойственной человеку внутренней потребности к свободному житетворчеству, к самоценному стремлению к Высшему: к истине, к добру, красоте, к Богу.

Если бы мы были образованнее и при этом честнее в своем размышлении о России, воссозданной в произведениях великого художника, то нам нетрудно было бы признать, что душевное обаяние подавляющего большинства положительных характеров Лескова в том, что они крепко связаны с православным мироощущением, которое было тогда одновременно по преимуществу русским. История свидетельствует, что русский народ не только принял Православие, но именно через него обрел и утвердил свое национальное самосознание. Не усвоив этой простой истины, невозможно верно понять ни героев Лескова, ни пафос его творчества.

Вспомним ли мы Настю или старца Крылушкина («Житие одной бабы»), Савелия Туберозова, попадью Наталью Николаевну и дьякона Ахиллу («Соборяне»), Константина Пизонского («Котин доилец

Лесков раскрывает перед нами существеннейшую сторону отечественной действительности: русское национальное православное самосознание.

Лесков безупречен как гражданин России. Он служил ей верой и правдой, чем дает нам урок истинного патриотизма. Он любил Родину, «желал ее видеть ближе к добру, к свету познания и к правде». И горько сетовал, когда наступали мрачные времена: «Все истинно честное и благородное сникло... люди, достойные одного презрения, идут в гору. Бедная родина! С кем она встретит испытания, если они суждены ей?». Между тем в нем, хорошо знающем русский характер, никогда не гасла надежда, ибо русский народ, писал Лесков, «относительно лишен способности понимать общественную пользу и служить ей без подгона и притом служить с образцовым самопожертвованием даже в такие ужасные исторические моменты, когда спасение отечества представлялось невозможным...». Залогом этого была неиссякаемая убежденность писателя в том, что на Руси много людей, «дивных своею красотой и величием характеров», и неизбывно вле-

ему осознать, что «в нашем суетном и неразвитом обществе самые святые слова получают нередко совершенно превратное значение».

Лесков видел, какие искаженные формы отношений складывались в русском буржуазном обществе, и в романе «Некуда» вывел галерею ярких характеров «постепеновцев» и «нигилистов», типические столкновения во имя защиты добрых национальных, семейных и общественных традиций, против твердокаменной «базаровщины», беззастенчиво отвергающей духовные начала. Таково рода отвержение было чревато ошибками, о которых прозорливо говорила героиня романа мать Агния: «Но из одной ошибки в другую лезть не следует; а у нас-то это, к несчастью, всегда так и бывает. Сделаем худо, а поправим еще хуже» (глава 7).

С еще большей страстью был написан позже роман «На ножках», в котором автор раскрыл крайние проявления нигилизма и одновременно дал решительный бой буржуазным хищникам, соединяющимся с уголовно-нигилистической «элитой»...

Лесков удивительно знал и сокровенно чувствовал русский язык, вошел умом и сердцем в душу русского слова, овладел богатой гаммой его животрепещущих значений, проник в самую глубину философии мира, заложеной в русской речи. Поэтому так неповторимо ярко и многоосмысленно предстают перед читателем воссозданные им образы «многоглазые», подернутые таинственной речевой дымкой, за которой всегда бездна смысла.

Бездну смысла содержания и художественное наследие великого писателя (и его публицистика и письма), все еще не ставшие целиком достоянием нашего народа. Полное академическое собрание сочинений Лескова пока еще далекая мечта, ибо многие его произведения, рассыпанные по периодическим изданиям, сегодня еще не известны даже специалистам. Остается надеяться, что пробьет час, и весь Лесков начнет издаваться не спорохвато, а серьезным коллективом ученых — специалистов академических институтов совершенно академически. Тогда и произойдет новое открытие Лескова, и великий писатель навсегда встанет в первый ряд русской и мировой классики XIX века.

В. ТРОИЦКИЙ,
доктор

филологических наук.
Гонорар автор передает в фонд поддержки газеты «Советская Россия».

Лесков Н.